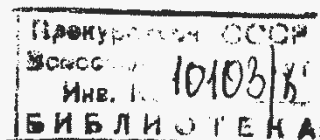

№ 4 (750)

Учредители:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

ЗАКОННОСТЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПРАВОВОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 1934 ГОДА

Главный редактор ЗАИКИН Н. П.

Редакционная коллегия:

КАРЛИН А. Б., КЕХЛЕРОВ С. Г.,
КОБЗАРЬ В. А., КОНДРАШКОВ Н. Н.,
СМИРНОВ Г. П., ТАРАНЕНКО В. В.

Технический редактор ЕВСТИГНЕЕВА Н. К.

Корректор НИЗАМОВА Т. И.

Адрес редакции: 103868, ГСП, Москва К-9,
Б. Дмитровка, д. 9, строение 6

Телефон: 229-01-06

Сдано в набор 24.02.97.

Подписано в печать 02.04.97.

Формат 70x108 1/16. Бумага кн.-журн. Офсетная
печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 5,93.

Тираж 5860. Зак. 297.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский
полиграфический комбинат Комитета Российской
Федерации по печати

142300, г. Чехов Московской области
тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

1997

© «Законность», 1997.

ПРОКУРАТУРА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

О. ВИНОГРАДОВ

*Заместитель прокурора
Тверской области*

Тема места и значения прокуратуры в системе органов государственной власти заслуживает освещения не только с позиции огульной критики. Односторонний подход чаще всего порождает заблуждения. Да и убедительность аргументов наших оппонентов никогда не проверялась в споре. Их непреложность как бы даровалась свыше и не подлежала обсуждению. Но, как известно, истинность выводов находится в прямой зависимости от истинности посылок.

Одной из таких базовых посылок противников прокуратуры является утверждение, что она по своей сути не способна вписаться в демократическое общество и потому является тормозом на пути общественного прогресса.

Так ли это?

Вообще говоря, слово «демократия» применительно к нашей действительности следует употреблять осторожно, потому что в этом контексте оно не всегда означает принятое под ним понимать. Попытка соотносить это слово с его историей рождает ассоциацию со словом «хаос».

Напротив, синонимом слова «порядок» всегда были авторитарные режимы, повинные в массовых репрессиях. И не было в нашей истории даже короткого периода, когда бы демократия и порядок сливались в единое. Они всегда были антиподами: либо демократия вне порядка, либо порядок ценой полного отказа от демократии.

В основе этого прискорбного явления, характерного для российской истории последнего столетия, лежало взятое на вооружение нашей политической мыслью стремление строить властную пирамиду общества на антагонизме социальных интересов. Отсюда однобокость и непрочность

подобных конструкций.

Ведь любое здоровое демократическое общество — оценивать ли его с позиций исторического материализма либо воспользоваться столь популярными сейчас либеральными экономическими теориями — отличается от нездорового и недемократического тем, что в нем всегда есть баланс частного и публичного интересов. То же, что рождала наша политическая мысль, всегда основывалось на неприменном подавлении одного из них и чрезмерном возвышении второго.

В этом смысле и нынешняя перестройка общества ничего нового не изобрела. Она развивается все по той же привычной схеме. И какими бы реверансами в сторону общечеловеческих ценностей ни сопровождалось строительство нового общественного здания, результат также привычен — перед нами хорошо знакомая покосившаяся избушка, только перекрашенная в другой цвет. Перед нами та же чудовищная дисгармония интересов, в которой публичному интересу отказано в праве на существование, а частный возведен в степень абсолюта. На такой почве демократия не возникает, а появляется тот суррогат, именовать который демократией можно только по недоразумению.

Характерной особенностью нашего исторического пути является то, что он не был поступательным, а следовательно, и понятие прогресса к нему, строго говоря, неприменимо.

Его графическим символом была бы не спираль, а колебания маятника, где крайне левое положение — хаос, а крайне правое — деспотия. Не имея сил разорвать этот порочный круг, мы постоянно бросаемся от деспотии к хаосу, затем назад к деспотии, обильно сдабривая каждый цикл кровью.

Переживаемый сейчас исторический период не более чем фаза движения этого маятника, занявшего крайне левое положение и уже накопив-

А

шего необходимый потенциал, чтобы двигаться в противоположную крайность.

Нет ничего более абсурдного, чем общество, отрицающее в себе общее. Нет ничего более губительного, чем та смесь агрессивных, обворовывающих и стреляющих друг в друга индивидов, которую пытаются выдать за идеал человеческого общежития.

Совершенно очевидно, что спасение демократии напрямую зависит от того, будет ли достигнута гармония между частным и публичным началами. А в сложившейся ситуации этот вопрос должен быть поставлен еще более жестко — будет ли восстановлен в правах поправленный общественный интерес, получит ли он необходимую защиту? А откуда еще один, по существу, главный — кто способен решить эти задачи?

Несуразным в сложившейся структуре власти является то, что наиболее последовательным выразителем частного интереса в ней выступает высшая исполнительная власть, которая по определению должна бы делать прямо противоположное. Более того, именно она, высшая исполнительная власть, является носителем крайне разрушительной, официальной идеологии абсолютизации частного. Именно она возвела в норму поведения правило естественного отбора — выживает только сильный.

Законодательная власть практически не обладает рычагами влияния на реальную политику.

Судебная власть по самой своей природе стоит над интересами и не может выражать ни один из них.

Сказанное дополняется тем, что и вся правовая система носит элитный характер. Совместив принцип своего невмешательства в споры о праве с вопиющим социальным неравенством, она обрекла на безысходность наиболее слабый интерес и сегодня является удобной формой легализации власти сильного.

Было бы наивным полагать, что прокуратура в одиночку способна решить спасительную задачу по защите общего. Бесспорно, принципиальное решение этого вопроса зависит от корректировки политического курса. Но не менее бесспорно и следующее. Сегодня прокуратура единственный еще сохранившийся в об-

ществе правовой механизм защиты общего и социально слабого и уже в силу этой уникальности заслуживающая занесения в Красную книгу с запрещением охоты на нее.

Подлинной бедой доминирующих сейчас правовых воззрений является то, что их первоосновой выступает не жизнь, а схоластическое подражательное умствование. В ряду натужных бесплодных терзаний находится и вопрос о том, к какой ветви власти отнести прокурорский надзор. Отвечая на него, неплохо бы внимательно взглянуть в свое недавнее прошлое, когда мысль о трехчленности власти еще не проникла в наше сознание и когда обоснованность своего присутствия мы по простоте душевной соотносили с правопорядком. И ведь что удивительно, кое-что получалось и тогда.

Предвижу упреки в авторитарности, которые вынуждают возвратиться в начало этих рассуждений о первичности политики по отношению к праву. Сам по себе упрек, безусловно, справедливый, но это упрек не прокуратуре, а той властной системе, в рамках которой она действовала. Этот упрек в равной мере относится к любому другому институту власти, включая суды, поскольку их деятельность тоже определялась рамками политической системы. Сама по себе прокуратура не более авторитарна, чем авторитарен закон. Рассуждая о ней, почему-то никто не говорит о том, что она сугубо правовой институт. А ведь этот существенный признак исключает все обвинения в ее принадлежности к командной системе. Отличаясь от судебной власти своей активной позицией, она тем не менее все свои властные полномочия реализует не непосредственно, а только через суд. Что же в этом плохого?

Совершенно очевидно, что прокурорский надзор — особый вид власти, которая должна получать полномочия непосредственно от законодателя, им формироваться и быть подотчетной только ему.

Нынешнее положение прокуратуры следует определить как зыбкий компромисс между отвлеченными представлениями о праве и здравым смыслом, причем позиции последнего все больше слабеют. Отражение этого компромисса — границы надзора,